

Окончание. Начало см. Воен.-истор. журнал, 2008, 10, 11

Мне пришлось вступить в исполнение должности коменданта крепости с огромным смешанным гарнизоном 17 марта и нести весьма сложные обязанности в это неопределенно-нервное и лишенное здравого смысла время в течение двух месяцев, после чего к нам явился новый комендант - капитан 1 ранга Михаил Михайлович Остроградский¹.

В течение этого периода произошло мое первое (фактически не состоявшееся) отрешение от занимаемой должности. Случай этот весьма интересен и весьма характерен в отношении проявления беспринципности многих деятелей того печального времени, бывшего началом общего развала России, и интересно, что мне до сего времени так и не удалось выявить, кто же были те грязные деятели, которые в этом эпизоде сыграли жалкую и лицемерную роль трусов... но, во всяком случае, после развязки этого дела я потерял доверие к адмиралу Колчаку и всякое уважение к Верховному главнокомандующему генералу Алексееву, очевидно, совершенно спасовавшему перед иезуитским поведением Гучкова²! Но предварительно описания этого случая³ необходимо сказать несколько слов о моем докладе Колчаку 7 апреля, о провокации с погонами 17 апреля и о заседании у Колчака 20 апреля.

Как я уже говорил выше, с самого начала революции со стороны нижних чинов начались "подкопы" под начальников различных степеней. Когда настроение солдатчины, поддерживаемой во всех своих "свободных" выходках приказом № 1 и шедшими из революционного Петрограда веяниями, обрисовалось вполне ясно, и видно было, что упорствовать в некоторых случаях было бы просто глупо, я изыскивал средства, чтобы предупредить возможность возникновения нежелательных инцидентов, имея ввиду пословицу: лиха беда начало! Решив дать нашим крепостным начальникам возможность мирно уйти со службы "по болезни" и предупредив об этом шифрованными телеграммами Главные управления, а также попросив ко времени увольнения представляемых мною начальников подготовить толковых заместителей, дабы не получилось "междоуцарствия", в течение которого "товарищи" обязательно начали бы протягивать своих кандидатов, 7 апреля утром я решил поехать с личным докладом к командующему на корабль. Мне пришлось высидеть в приемной довольно долго, так как в это утро Колчак принимал каких-то очень важных революционных деятелей, в том числе какого-то недоумку Федю Баткина⁴. Эти люди зело суматошились по поводу снаряжения от Черноморского флота особой делегации, которая должна была ехать га фронт убеждать фронтовых товарищей сражаться. Плоды всеобщего безумия начинали⁵ уже сказываться. На корабль Баткин влез проходимцем, а с корабля сходил на шлюпку матросом... Наконец был принят и я. Доложив обстоятельства дела с началом свержения нижними чинами некоторых из наших начальников, я обратил внимание Колчака на то, что в крепости какими-то лицами ведется агитация в пользу избрания меня комендантом крепости и что вскоре к Колчаку

может быть представлено ходатайство в этом смысле от Центрального исполнительного комитета, и, что я прошу его ходатайство это отклонить вследствие моего болезненного состояния, так как я действительно не настолько здоров, чтобы в подобное время принять и нести такую должность, затем - я не желаю быть начальником по избранию подчиненными - и быть нравственно им как бы обязанным за свою "карьеру". Кроме того, я обратил внимание Колчака на то, что сейчас такое шаткое время, что не надо давать солдатским массам на суд новых начальников, так как мы не знаем, как они примут какого-нибудь нового коменданта, а самое лучшее - не торопиться и не вносить нервности, а оставить дело как есть, ибо в случае брожения нет коменданта и некого смещать, а при надобности всегда успеется назначение. При этом я добавил, что должность начальника штаба я буду нести по-прежнему и думаю, что пользуясь уважением в гарнизоне, сумею быть полезным, но сам я комендантом быть не хочу. Колчак, по-видимому, остался вполне доволен моим предложением и решил до времени ничего не изменять. Я остановился на этих мелочах, ибо впоследствии некоторые интриганы и клеветники говорили (и даже официально докладывали) про меня: "Он опирается на демократические массы и подставил ножку уже четырем комендантам, и если вы его не уберете, подставит ножку и Вам!" Очень мне нужно было подставлять ножку, когда я совершенно искренне даже желал в то время даже никакого продвижения по службе, ибо почти на всякой должности, где вас не знают, надо было либо погибнуть, либо лицемерить, а ни того, ни другого я нехотел.

В этот же период меня спровоцировал подполковник Верховский⁶ и вот как. Начиная с десятых чисел апреля на всех солдатских, матросских и рабочих митингах было постановлено торжественное празднование интернационального рабочего праздника 1 мая (по новому стилю)⁷, решения эти были утверждены нашим советом солд[атских], матр[осских] и пр[очих] депутатов. Как ораторами на митингах, так и в печатных летучках офицеры приглашались участниками празднества, причем было сказано, что принявшие участие и выразившие искреннее желание слить-

С. 60

ся с трудовым народом получают доверие, а те, кто не выйдут с народом, будут признаны и т.д., причем солдатам предлагалось наблюдать за своими офицерами, чтобы заметить саботажников. В церемониале было указано, что процессия будет идти пошереножно, каждая шеренга оплетенная красными лентами, будет состоять из солдата, матроса, рабочего и офицера... Колчак настаивал, чтобы офицеры возможно больше шли в народ. Наши крепостные очень упирались. Из штаба крепости только три человека пошли на торжества, остальные "спрятались" по домам, так как в этот день, дабы не раздражать демократии, занятия в штабе я отменил. Торжественное шествие первого мая состоялось, в шествии приняла участие масса офицеров. Впереди процессии верхом на лошади, с красною лентою через плечо ехал сам председатель революционного комитета Верховский. Демократия была, по-видимому, удовлетворена!

Но за три дня до этого празднества последовал ряд незначительных по-видимому происшествий, которые могли окончиться весьма плачевно для многих офицеров.

15 апреля штаб флота получил телеграфное распоряжение Гучкова о том, чтобы в русском флоте по образцу флотов всех республиканских стран были сняты погоны и

заменены нарукавными нашивками, а также чтобы были заменены романовские кокарды. Как известно, при перемене формы одежды всегда давался известный срок (большею частью годовой) для донашивания формы. Здесь же изменение формы имело столь важное значение, что адмирал Колчак в приказе своем 16 апреля предписывал всем офицерам флота изменить форму в одни сутки! Ни одно распоряжение по крепости для защиты ее от неприятя со времени начала войны не потребовало такой срочности, такой всеобщей безумной беготни по магазинам (боясь опоздать и ничего не найти) и по портным и не привело буквально всех офицеров гарнизона, забросивших на это время все остальные дела, как это глупейшее распоряжение, перешедшее под давление матросов, уже к полудню 17 апреля в паническое состояние. Около полудня в некоторых местах Екатерининской улицы и Нахимовского образовались небольшие группы матросов, ловившие проходивших мимо офицеров и проводя их к своей группе, где стоял матрос, держащий в левой руке баночку с красной краской, а в правой - кисточку, которую он, не торопясь и со знанием права и силы, замазывал красною краскою кокарды на офицерских фуражках, причем некоторые это делали довольно вежливо, а некоторые, пользовались этим случаем, чтобы поиздеваться над офицерами, делали это грубо, не позволяя снять фуражку, и, будто нечаянно, капали каплю красной краски либо на нос или на лицо офицера! Около двух часов дня некий прапорщик Юргенс (оказавшийся затем большевиком) прибежал во двор казарм 455-й Екатеринославской дружины, собрал ополченцев, сказал (а вернее говоря, прокричал) им какую-то нервно-истерическую речь о значении погон как последнего, еще не уничтоженного символа власти Романовых, тотчас сорвал с себя свои погоны и начал их топтать ногами, его примеру тотчас начали следовать разнузданные солдаты. Когда набралась довольно значительная кучка погон, то присутствовавшие на этом торжестве солдатские "дамы" и некоторые другие "свободные гражданки" подбежали к куче и тут же на глазах у всех присутствовавших показали высший порыв революционного благородства и начали "мочить" погоны...

В это же время в совсем другой части крепости, а именно на батареях южного отдела, в 3-й и в нестроевой ротах крепостной артиллерии, артиллеристы и сигнальщики-матросы начали срывать погоны с унтер-офицеров (фейерверкеров), бывших даже при исполнении служебных обязанностей.

На мой телефонный запрос штаб флота ответил, что распоряжение касается только моряков, а сухопутных не касается. Попытки, сделанные по телефону, чтобы остановить начавшиеся в разных отделах крепости безобразия, не могли привести ни к чему, так как всюду бегали матросы и доказывали, что мы своих солдат обманываем, так как в приказе Колчака рядом с перечислением чинов морских перечислены и сухопутные: генералы, полковники, поручики и т.д., а кроме того - крепость морского ведомства и подчинена командующему флотом!

В 5 часов дня началась истерия и в Белостокских казармах, в 5-м Черноморском полку, где солдаты под влиянием пришедших из города солдат и агитаторов начали срывать свои погоны; дежурный по полку офицер побежал в казаому к солдатам попробовал начать их уговаривать не делать подобных действий пока не получится надлежащего приказа по полку, но на него кинулась озверелая толпа солдат с криком "Ах ты с.с.! Ты за царские погоны! Бей его!" Этот офицер спасся бегством, и тотчас вечером удалось вступить на дежурство уже другому офицеру, но, конечно, без погон!

С 6 часов вечера кучки матросов начали бегать по улицам с ножницами руках и без всяких разговоров срезать погоны с солдат. В это же время прибежали испуганные 4-5 писарей в штаб и в Управление артиллерии со срезанными с шинели погонами. У одного из них погон был силою вырван вместе с рукавом.

По поводу описанных событий я все время переговаривался по телефону со штабом флота, но безрезультатно. Весь этот день, как назло, я был очень занят по должности коменданта крепости и по весьма срочному вопросу рассмотрения жалоб рабочих подрядчика Бусыгина. Дело это рассматривалось комиссией под моим председательством при участии Государственного контроля. Дело в том, что с началом революции все начали что-то требовать. Предъявили какие-то несуразные требования к крепости и рабочие подрядчика Бусыгина о выплате им каких-то добавок с самого начала войны. Суммы получались миллионные. Бусыгин отказал, ссылаясь на штаб крепости. Тогда рабочие нажали на штаб крепости, который рассмотрел их дело 23 марта и согласившись на добавки в будущем, в добавках за про-

С. 61

шлое отказал. Тогда через союз рабочих они подали на меня жалобу Колчаку. Последний принял сторону рабочих и приказал мне пересмотреть дело при участии представителей от рабочих и от Колчака. Сами понимаете, положение раше делалось невесёлым. Так вот, в разгар работы этой комиссии, когда меня рвали на части под влиянием страха угроз рабочих представителей, по всей крепости происходили инциденты с погонами и кокардами.

Уже около часа комендантским отделением штаба крепости (весьма монархическим) мне было доложено о том заколдованном кольце, в которое завтра попадёт всё сухопутное офицерство: приказ по флоту так отредактирован, что его можно толковать и так, и сяк, в перечислении чинов наравне с наименованиями чисто морскими приведены чины и сухопутные; демократы нашего сухопутного гарнизона, когда им выгодно быть сухопутными, кричат, что мы сухопутные, когда им выгоднее быть моряками, кричат, что мы подчинены флоту. Ввиду завтрашнего празднования 1-го Мая, необходимости офицерству, принять участие в этом празднестве, ввиду той спешности, с которою переодевается морское офицерство в течение одного дня, озлобление низов против всего старорежимного, в том числе и формы⁹ одежды, возможности во всякую минуту какой-нибудь совершенно неожиданной провокации, и, принимая во внимание, что “завтра” уже будет поздно, так как все магазины и портные будут закрыты, необходимо и поичём в самом спешном порядке потребовать от штаба флота немедленного разъяснения: относится ли сей приказ только до чинов флота, или и до крепостных. В первом случае просить штаб флота объявить нам о сём спешною телефонограммою, дабы ещё сегодня все в гарнизоне знали, что в сухопутном ведомстве погон снимать не полагалось.

Конечно, я согласился с докладом и приказал немедленно доложить об этом по телефону начальнику штаба флота капитану 1 ранга Смирнову¹⁰, который уклонился от ответа. Тогда я сам подошел к телефону и обратил внимание Смирнова на серьезность положения, просил его немедленно подойти к прямому проводу и спросить Ставку, относится ли упоминаемый приказ также и до крепости, и ответ Ставки безотлагательно

сообщить мне письменно. Ответ мне необходим был письменный, ибо я имел основания не доверять Смирнову и вообще со штабом флота у меня уже был опыт, показывающий, что этим господам, как только вопрос мог коснуться их шкуры, ничего не стоило и отказаться от своих слов. И я не постесняюсь отдать приказ по крепости об оставлении без изменений формы одежды в сухопутном гарнизоне, чтобы завтра ни случилось (хотя, боясь за офицеров, конечно, я предпочитал, чтобы ответ получился утвердительным, т.е. что приказ относится и к сухопутным). Смирнов опять уклонился и сказал, что из-за такого пустяка он Ставку беспокоить не будет. Можно было думать, что Смирнов просто желает потешиться над несчастными сухопутными офицерами. Тогда, начиная терять терпение, я послал на корабль офицера, требуя определённого доклада адмиралу Колчаку. Был послан прапорщик Васильев, который сумел добиться категорического письменного ответа, и по возвращении в штаб доложил мне, что в штабе флота он застал подполковника Верховского, который в его присутствии с презрением доложил Колчаку, что штаб крепости сгущает краски, ровно никакой опасности нет, что когда получится печатный приказ из Ставки, тогда и по гарнизону можно будет отдать, что это дело в крепости раздувают трусы и паникёры, что у них в Черноморской дивизии полный порядок и в голову никому не приходит возбуждать подобные вопросы, в доказательство чего он, Верховский, преспокойно идёт обедать в Морское собрание... А между тем, когда на корабле происходила описанная сцена, в казармах 5-го Черноморского полка солдаты срывали погоны и гонялись за дежурным офицером!

Когда мне об этом доложили, я вновь позвонил в штаб флота. Начальник штаба вновь позвонил в Морское собрание, вызвал к аппарату Верховского и спросил его: каким образом могло случиться, что будучи только что на корабле, он докладывал, что у них в Черноморской дивизии все благополучно, а вот из штаба крепости говорят, что в пятом полку рвут погоны? Около 7 $\frac{1}{4}$ часов вечера мне позволили из штаба флота с вопросом: "На каком основании я осмелился отдать приказ по крепости о снятии погон, когда я на это не получил разрешения от Командующего флотом?" Я ответил, что никакого приказа я не отдавал и что вызванные для переписки приказа из полковых и дружинных канцелярий писари до сего времени сидят в штабе крепости и ожидают утверждения приказа, дабы его списать.

Оказалось, что Верховский доложил по телефону из Морского собрания в штаб флота, что в 5-м Черноморском полку действительно погоны сняты, но вполне "легально", вследствие полученного о том приказа коменданта крепости... и этим лживым докладом снимал с себя всякую ответственность. Здесь остаётся только добавить, что разрешение о снятии на 1-Мая погон я получил по телефону от Смирнова в 9 ч 30 мин вечера, в разгар заседания моей комиссии, и соответствующий приказ подписал около 10 ч вечера, а беспорядки в 5-м полку и аналогичные в крепости случаи начались ещё днём. Кроме того, ещё вопрос: если в 5-м полку был получен мой приказ о снятии погон (как о том доложил Верховский), то почему же дежурный по полку офицер, стараясь прекратить безобразие, чуть не подвергся растерзанию озверелыми солдатами? Это уже в третий раз после революции я убедился, что со штабом флота (да и с Верховским) никаких дел на словах вести не стоит, необходимы были "документики".

Так или иначе, в 10 ч 15 мин вечера мною был подготовлен приказ по крепости о замене погон на рукавными шевронами; рабочий праздник прошёл благополучно, без

инцидентов, только два военных лётчика, оказавшиеся в погонах, подверглись оскорблениям, после чего поспешили снять погоны, почему группа офицеров-лётчиков отправила на следующий день телеграмму Гучкову с жалобой

С. 62

на меня за то, что я “самовольно” оскорбил офицерство, лишив его права ношения погон. Только через три дня я получил из штаба флота разъяснение, что, приказ о снятии погон до сухопутной армии не относится, и - анонимный выговор по моему адресу от Гучкова. Через три дня, когда страсти успокоились, я отдал соответствующий приказ, и гарнизон вновь надел погоны, каковые и носил до конца октября без инцидентов.

С началом углубления революции требования масс становились с каждым днём осмысленнее и назойливее. Достаточно было на митинге какому-то сумасшедшему оратору почтить достойною руганью память севастопольских героев-адмиралов, как матросня признала их, несмотря на то, что они давно уже покоятся в гробах, опасными контрреволюционерами, трупы которых необходимо вырыть из могил и бросить в море, а на их места положить тела жертв царского режима и борцов за свободу. С этого времени ежедневно, с утра до вечера, десятки матросов с растерянными и обалделыми лицами, как бесноватые, бродили вокруг Владимирского собора (на который выходили окна моей квартиры) и заглядывали в подвальные окна с ненавистью, но и со страхом, зная по разговорам, что именно там покоятся останки ненавистных им адмиралов (почивших более полувека тому назад!). Как удалось отвлечь внимание этих маниаков* и идиотов и спасти прах севастопольских адмиралов, наверное не знаю, но брожение матросов вокруг собора прекратилось, как только разнеслась по Севастополю весть, что адмирал Колчак решил отыскать, отрыть и с должными почестями перевезти в Севастополь “священный прах” борцов за свободу русского народа: лейтенанта Шмидта¹¹, кондуктора флота Щастника¹² и ещё каких-то двух преступников, расстрелянных по приговору полевого суда в 1905 году на острове Березань. Сначала мы этому слуху не поверили, но вскоре он подтвердился, и Колчак начал заниматься “раскопками”.

Не помню точно число перенесения в Севастополь останков от казни перечисленных сумасбродов, но действительно Колчак, дабы несколько успокоить умы матросов, добравшихся до праха севастопольских адмиралов и также желавших начать “раскопки” во Владимирском соборе, а с другой стороны, чтобы показать демократии свою верность идеям революции и уважение к памяти “борцов за свободу” и тем поддержать свою популярность и значение, приказал назначить вспомогательный (румынский) крейсер “Принчипессу Марию”, на котором и были доставлены в Севастополь четыре гроба, в коих предполагались останки перечисленных преступников. Какая драма! Какая страшная ирония судьбы: старый красавец-крейсер “Память Меркурия”, на котором в 1894 году было доставлено из Ливадии в Севастополь тело императора Александра III, штабом Черноморского флота был разоружен, поставлен вглубь Северной бухты и обращён в пловучую тюрьму! А “Принчипесса Мария”, принадлежащая Королевству Румынскому, на своей палубе везла гробы с останкам казнённых преступников, поднявших свои безумные десницы против царя Николая II, по приказанию адмирала Колчака, получившего от этого самого Николая и доверие, и честь, и эмблемы, и силу, и славу!

Ко времени прибытия в Севастополь “Принчипессы Марии” с останками социалистических мучеников весь гарнизон, все учреждения города, союзы, организации и пр. встречали “дорогих” покойников согласно особо выработанному церемониалу. Прибытие гробов приветствовалось пушечными салютами с крепостных батарей! (когда в мае 1916 г., в коронационные дни, к нам прибыл наш император Николай II, то никаких салютов не было. Этот милый человек - император по великой скромности своей ввиду военного времени отменил всякие салюты). Когда гробы несли на руках офицеры и матросы с Графской пристани на Нахимовскую площадь, “войска” и рота матросов взяли на караул и два оркестра музыки заиграли “Коль славен наш Господь” для отдания чести трупам людей, не признававших ни Господа, ни заповедей Его. Гробы были роскошные и очень по тому времени дорогие, потом на каждый гроб была подана роскошная белая катафалка**, запряжённая четвериком лошадей, одетых в белые одежды. В какую сумму влетело это безумное торжество?

За гробом Шмидта пошли его сын и рядом адмирал Колчак, далее, при звуках похоронного марша, выступал воинский наряд и массы народа, имея во главе представителей и делегации от разных социалистических организаций.

Разные депутации в числе девяносто трёх, несли торжественно девяносто три венка. Венки были весьма разнообразные: большие, малые, фарфоровые, металлические, серебрянные, живые, с чёрными и красными лентами. Были венки стоимостью свыше шестисот рублей!

Одними из первых выступала депутация от штаба флота с огромнейшим венком, который нёс капит[ан] 1 ранга Нищенков¹³ с другими офицерами. Вокруг каждого венка собиралась кучка людей в семь человек, двое несли венок, а остальные считали за счастье держаться за кончики лент. Надо было выдать физиономии выражения лиц этих вырожденцев лентодержальщиков! Много венков было искренних, но большинство было возложено из чувства страха, как громоотвод, перед тёмными фанатическими массами, и, кажется единственное учреждение в Севастополе, которое решилось не возлагать венка могиле Шмидта, - это был наш штаб крепости, и ни я, ни мои офицеры за процессией не пошли. Мы, как только она тронулась, сели в штабной автомобиль и поехали в штаб крепости пить чай, за которым я и рассказал моим офицерам, кто таков был сам Шмидт¹⁴...

И вот этот самый Шмидт, не достойный даже звания офицера, по существу - дезертир 1905 года, опозоривший мундир морского офицера, позорно бежавший с “Очакова” в одной жилетке, когда поднятый им бунт не удался, и залезший под банку наёмного ялика, из под которой он был вытащен,

С. 63

комендантским адъютантом штаба крепости и арестован, преступник против родины в военное время, расстрелянный на Березани, ныне лежал в драгоценном гробу, за которым почтительно шествовали настоящие герои: Порт-Артурский герой и действительно храбрый морской офицер сам Колчак и масса других доблестных офицеров и солдат, украшенных Георгиевскими крестами... О! Боже! Какая это была ирония судьбы: герои, отдающие честь трупам вырожденцев, идиотов и преступников! Вот почему я с ужасом и омерзением смотрел на всю эту картину, никакого венка не возлагал, за процессией не

пошёл и со своими офицерами уехал в штаб крепости, передумывая “свою собственную и одну и ту же думу”: за какой мерзостью ведут одураченный русский народ!

Но спасибо Колчаку: хотя он и подделывался под вкусы и безумные желания демократии, перехватывая в свои руки проведение некоторых даже бессмысленнейших затей бесновавшейся братии, но всё-таки таким способом он вливал эти идеи в более безвредное русло и этим он спас Владимирский собор, где покоится прах героев 1855 года, от внесения под его благородные своды позорных ящиков с падалью, и эти гробы повезли в приходскую церковь и поставили “временно” под сводами Покровского собора...

Популярность адмирала Колчака с самого начала революции обезопасила Севастополь от всяких ужасов и она не понижалась даже с началом “углубления” революции. Колчак делал всё возможное, чтобы сглаживать всякие признаки розни, существовавшие между корпорацией офицеров и нижних чинов. Каких результатов в этом отношении достигал он во флоте, я не знаю, но частенько слыхивал, что морские офицеры стонали от установленного Колчаком режима, ибо он требовал, чтобы офицерство не чуждалось младшей братии и как можно больше шло им навстречу. Дошли слухи до Колчака, что у нас в крепости не вполне благополучно, что офицерство тяготеет общением с солдатами и старается как можно меньше времени находиться со своими подчинёнными. По этому поводу адмирал Колчак приказал мне явиться к нему на корабль 20 апреля с двадцатью офицерами нашего сухопутного гарнизона.

За большим столом кают-компании сидели сам Колчак, его начальник штаба, я, как комендант крепости, временно исполняющий должность начальника крепостной артиллерии и 20 офицеров. Колчак буквально на нас кричал и разносил [нас] за то, что мы не сознаём момента, что мы никак не можем отрешиться от старых предрассудков, что мы не идём в солдатскую толпу и не протягиваем руку своему младшему брату и и.д. Я молчал. Я понимал, что, во-первых, все эти замечания до нас не относятся, вызваны докладами Колчаку подполковника Верховского и должны быть отнесены на Черноморскую дивизию. Возражать, собственно, было нечего... Но когда он кончил, некоторые из наших офицеров спросили разрешения возразить адмиралу: капитан Злотницкий, поручик Дорстер (адъютант) и ещё один прапорщик. Говорили спокойно и дельно. Говорили, что мы и так почти всё время с солдатом, что офицеру необходим хоть небольшой отдых, иначе наши нервы не выдержат, что их надо оберегать, что у нас и до революции особой розни с солдатом не было, и ненависти с их стороны не замечается (и они были правы, так как во время “Варфоломеевской ночи”, устроенной [с] 22 [на] февраля, в сухопутном гарнизоне крепости ни одного офицера убито не было), что невозможно же быть всё время с хамами... Колчак молча слушал, слушал, а потом сразу как выпалит: “А я требую, чтобы вы всё своё время посвящали вашему солдату: вы ведь сами видите, как я, занимая столь высокий пост, всё время имею самое тесное общение как с матросами, так и с рабочими; как вы думаете, а мне легко быть всё время с этими хамами, а тем не менее, я это делаю!” Он это не говорил, а нервно выкрикивал, и видно было, что “товарищи” ему уже изрядно досадили, и нервы его могли сорваться....

Я думаю, что эта речь Колчака могла ему сильно повредить, ибо, когда он её выкрикивал, и никто не мог его остановить, да никто и не ожидал такого быстрого перехода, на хамов, приотворилась правая дверь кают-компании и в ней показались

фигуры двух матросов, слыжавших эти слова, после чего дверь затворилась. Я не ошибся, не прошло и полутора месяцев¹⁵, как закатилась звезда Колчака, и он должен был нас покинуть! Но об этом речь будет впереди¹⁶...

К описываемому периоду относятся уже первые шаги разнообразнейших способов “углубления” революции. Не успели председатели свалить государя и завести по всей России форменнейший сумасшедший дом и полнейший кавардак, как они нашли, что с них мало достигнутых результатов, и эти бесноватые во главе с Керенским взвыли новую песнь: “Революция в опасности! Спасите революцию! Берегите революцию!”

“Углубления” велись разнообразнейшими способами, но первейшим способом были у этих выродков лжи клевета и провокации.

Попробовали избавиться от меня, который был несомненно весьма неудобным для “углубителей” революции. Не удалось. И вот какие-то мерзавцы (да простит меня читатель за столь нелитературное слово, но другого, более подходящего, подобрать не могу) начали кампанию, чтобы свалить Колчака, который, несомненно, держа бразды революционного правления в значительной степени в своих руках, и как человек, пользовавшийся доверием матросских и рабочих масс, был весьма удобен для “углубителей”. Но как убрать Колчака? Ведь это дело не столь лёгкое! И вот началась новая провокация: задолго до общего разоружения офицеров (которое было произведено матросами в августе и сентябре месяцах) забегали внезапно какие-то ораторы, которые, проповедуя войну до победного конца, требовали, чтобы офицеры сдавали своё оружие для отправления на фронт, который якобы нуждался в оружии (какая наглая ложь!). И вот под влиянием этой провокации матросы “География Победоносца” потребовали сдачи оружия от своих офицеров, и какие-то

* Так в тексте. Правильно - маньяков

** Так в тексте. Правильно - катафалк

С. 64

кощунники-матросы осмелились прийти к своему адмиралу - георгиевскому кавалеру, храброму из храбрых воину и осмелились потребовать от него, чтобы он сдал им золотое оружие, которым он был награждён за подвиги ещё в японскую войну и которое у него не отобрали даже враги-японцы, когда он был взят в плен!

Адмирал Колчак золотого оружия своего им не сдал, но и не сохранил его¹⁷. Как мне тогда рассказывали очевидцы, он поднял над головою потребованное у него оружие, показал его всей команде так, чтобы команде была видна золотая рукоять, громко сказал команде, что это оружие не отобрали у него даже японцы, что он сохранил его будучи даже в плену, а теперь у него желают отобрать его же матросы, и с возгласом “Нет, не видать вам моего оружия!”, быстрым движением бросил его в море. На момент все остолбенели: и офицеры, и матросы: никто не знал, не кинутся ли разозленные за неудачу матросы на адмирала; и вдруг вся команда как один человек бросилась к борту, устремив свои глаза в то место, куда было брошено оружие! Они были как бы загипнотизированы и долго не могли отойти от борта¹⁸.

Офицеры - свидетели этого случая и поклонники Колчака рассказывали об этом со слезами восторга на глазах. Они не понимали, что Колчак не вышел победителем из

этого столкновения, хотя матросам он оружия и не сдал, но и не сохранил его, это был красивый жест для сцены, из тех театральных эффектов, которые обыкновенно встречаются публикой бурными аплодисментами, но это был поступок несерьезный и даже по существу негеройский. Если бы Колчак прикрикнул на негодяев, осмелившихся подойти к нему с подобным требованием, сказав, что заслужите сначала сами золотое оружие, тогда приходите отнимать у вашего адмирала, то я почти уверен, что негодяи спасовали бы, особенно принимая во внимание широкую популярность адмирала и Колчак победил бы, но в описанном случае было желание не исполнить требование бунтарей, но так, чтобы и самому не полвергнуться опасности, как бы там ни было, песнь Колчака на Черноморском флоте была спета, после этого случая он, конечно, не мог оставаться командующим флотом, но и самовольно он уехать не мог. Тотчас об этом было донесено Керенскому, который, несомненно, сделал всё, чтобы вывести Колчака из создавшегося положения: он назначил “строжайшее расследование” описанного случая, на время расследования по каким-то срочным делам вызвал Колчака в Ставку, а вр[еменно] командующим флотом назначил контр-адмирала Лукина¹⁹ под контролем особого демократического представительства, получившего название “десятки”.

Немедленно в командование флотом вступил новый “мученик” - к[онтр]-а[дмирал] Лукин, а через несколько дней к нам прилетела “стродайшая” следственная комиссия...

Библиотека-фонд “Русское Зарубежье”. Ф. 2. М-86 (Кн. 8). Л. 1090-1098, 1102-1106, 1114, 1116, 1117, 1121, 1134-1142, 1144, 1145, 1147, 1149, 1159, 1160. *Подлинник. Машинопись.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Остроградский Михаил Михайлович** (1870-?). На службе с 1887. Капитан 1-го ранга (1912). Командир эскадренного миноносца “Жуткий” (1906-1908), канонерских лодок “Терец” (1908-1911) и “Запорожец” (1911), крейсера “Память Меркурия” (1914). Флаг-капитан штаба начальника бригады линейных кораблей Черноморского отряда (1912-1914). Комендант крепости Севастополь (1917).

² **Гучков Александр Иванович** (1862-1936). Из купеческой семьи. Политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Основатель и лидер партии октябристов. В годы Первой мировой войны (1915-1917) председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства (1917). Осуществил чистку высшего командного состава. Осознав невозможность остановить развал армии, подал в отставку. С началом Гражданской войны оказывал поддержку Белому движению. Весной 1919 г. по поручению генерала А. И. Деникина отправился в Европу в качестве дипломатического представителя. В эмиграции - в Германии и Франции. Умер и похоронен в Париже.

³ Описание не публикуется.

⁴ **Баткин Федор Исаакович** (1892-1923). Из семьи коммерсанта. Учился в Севастопольском реальном училище. Исключен за распространение эсеровских прокламаций. Эмигрировал в Бельгию (1910). Возвратился в Россию накануне Февральской революции. Член севастопольского Совета (1917). Добровольно поступил на военную службу рядовым матросом. Выступал на митингах за войну до победного

конца, участвовал в создании ударных частей. Участник Белого движения на Юге России (1917-1920). Принимал участие в 1-м Кубанском походе. В эмиграции в Турции (1920). Журналист. Завербован ВЧК, способствовал возвращению в Россию генерала Я. А. Слащева и других офицеров. По прибытии в Россию арестован и расстрелян.

⁵ В документе - “начинались”

⁶ **Верховский Александр Иванович** (1886-1938). Из дворян, уроженец Санкт-Петербурга. На службе с 1903 года. Обучался в Пажеском корпусе, исключён за либеральные высказывания и отправлен солдатом в Маньчжурию (1904). Участник Русско-японской войны. Награждён знаком отличия Военного ордена 4-й степени. За боевые отличия произведён в подпоручики (1905). Окончил императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Награжден Георгиевским оружием (1915) и орденом Св. Георгия 4-й степени (1915). Начальник оперативной части штаба XXII аомейского корпуса (1915). Начальник штаба группы войск, организованной для овладения Трапезундом с моря (1916). И.д. начальника штаба отдела Черноморской морской дивизии (1916). В 1917 г. избран членом и товарищем председателя севастопольского совета рабочих депутатов. Разработал положение о местных солдатских комитетах. Командующий войсками Московского военного округа (1917). Военный министр (1917) с производством в генерал-майоры (1917). В заключении (1918). В РККА (с 1918). Расстрелян.

⁷ 18 апреля 1917 г. по старому стилю

⁸ В документе - “добавков”

⁹ В документе - “формам”

¹⁰ **Смирнов Михаил Иванович** (188?-1940). Контр-адмирал (1918). На службе с 1896. Окончил Морской корпус (189?) и Морскую академию (1914). Участник русско-японской войны. Сослуживец А. В. Колчака. Капитан 2 ранга (1912). Командовал эскадренными миноносцами “Выносливый” (1914) и “Казанец” (1915-1916). В конце 1914-начале 1915 состоял русским морским представителем при штабе союзного флота, проводившего Дарданелльскую операцию. Флаг-капитан по оперативной части (1916-1917), затем и.д. начальника штаба командующего флотом Черного моря. Капитан 1 ранга за отличие в службе (1916). Вместе с вице-адмиралом А. В. Колчаком выехал в командировку в Северо-американские Соединённые Штаты (1917). Начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в САСШ (1917-1918). Управляющий Морским министерством правительства адмирала А. В. Колчака (1918). С 31 мая 1919 г. командовал Камской (с 1919 г. Речной боевой) флотилией. Награжден орденом Св. Георгия 4 степени (191?) и Георгиевским оружием (1916). В октябре 1919 г. в составе Морского министерства выехал из Омска в Иркутск. После вооруженного восстания в Иркутске в декабре 1919 - январе 1920 г. бежал с группой морских офицеров в Забайкалье. В эмиграции в Китае, Германии, США, Франции, Великобритании. Автор воспоминаний о Колчаке.

¹¹ **Шмидт Пётр Петрович** (1867-1906). Революционер, один из руководителей вооружённого мятежа в Севастополе (1905). Окончил Морской корпус и Морское училище (1886). В чине лейтенанта уволен в запас по служебному несоответствию (1898), плавал на судах торгового флота. В связи с началом Русско-японской войны мобилизован и назначен командиром миноносца, направлен на патрулирование к берегам Румынии. Один из организаторов “Союза офицеров - друзей народа” в Севастополе. Выступал на

митингах с антиправительственными речами. Член севастопольского совета депутатов. Арестован за призыв к вооружённой борьбе (1905). Освобождён под давлением рабочих. Вышел в отставку (1905). Стал военным руководителем севастопольского мятежа. Находясь на крейсере “Очаков” поднял сигнал “Командую флотом” (1905) и призвал корабли эскадры присоединиться к выступлению, но в тот же день арестован. Приговорён к смертной казни и расстрелян с тремя соратниками на острове Березань под Очаковом. В мае 1917 г. останки перезахоронены в Севастополе.

¹² Правильнее - Частника. **Частник Сергей** - кондуктор. Расстрелян в 1906 г. вместе с бывшим лейтенантом П. П. Шмидтом, комендором Н. Антоненко и машинистом А. Гладковым.

¹³ **Нищенков Алексей Аркадьевич** (1882-1934). Капитан 1 ранга. На службе с 1898 г. Окончил Морской корпус (1901). Участник Русско-японской войны. Офицер подводного плавания. Командир подводных лодок “Плотва” (1907), “Осетр” (1907), “Фельдмаршал граф Шереметев” (1907-1908). Помощник флаг-капитана по оперативной части штабом командующего флотом Чёрного моря (1915). Умер в Белграде.

¹⁴ Далее пропущен фрагмент воспоминаний о недостойном поведении лейтенанта П.П.Шмидта в период его службы на флоте.

¹⁵ В тексте - “месяца”

¹⁶ Далее опускается описание отставки Рерберга и его восстановления в должности по ходатайству севастопольских рабочих.

¹⁷ Речь идёт о событиях 6 июня 1917 г.

¹⁸ Ещё одно свидетельство об этом см.: *Косенко О.Н., Козлов Д.Ю.*: Вице-адмирал А.В.Колчак: “Считаю, что моя дальнейшая деятельность на Чёрном море... не может быть полезна” // Воен. - истор. журнал. 2008. № 1. С. 24-26.

¹⁹ **Лукин Вениамин Константинович** (1866-?). Контр-адмирал (1916). На службе с 1884. Окончил Морское училище (1887) и Минный офицерский класс (1893). Участник Русско-японской войны. Командир яхты “Колхида” (1907-1908), канонёрской лодки “Запорожец” (1908-1910). Начальник оперативного отделения штаба командующего морскими силами Чёрного моря (1911-1913). Командир линейного корабля “Три святителя” (1913-1916). Начальник 2-й бригады линейных кораблей (1916-1917). Вр. и. д. командующего флотом Чёрного моря (1917). В РККФ (с 1918), сотрудник Морской исторической комиссии.